

Ирина Лиленко-Карелина

Ирина Лиленко-Карелина

ЗОЖники. Иронический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711984

ISBN 9785449302823

Аннотация

Кто из нас не хотел сесть на диету с понедельника, бросить курить с первого числа, ходить в фитнес-клуб с Нового года? А если надо стать ЗОЖником за три недели? Сможешь – и ты звезда мирового масштаба. Но, как обычно, всё решает случай.

Содержание

Часть 1	5
Валико	5
Тамара	14
Лариса	19
Роман	27
Леха	33
Валико	39
Тамара	45
Лариса	49
Роман	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ЗОЖники

Иронический роман

Ирина Лиленко-Карелина

Редактор Катерина Романенко

© Ирина Лиленко-Карелина, 2018

ISBN 978-5-4493-0282-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Валико

«Только я глаза закрою, предо мною ты встаешь. Только я глаза открою... Нет, пока не открою, с закрытыми лучше». Бывают такие дни, когда ты вроде бы выспался и вроде бы проснулся, слышишь звуки, а тело и разум еще спят. Ты как будто паришь над собой, лежащим, но картинки нет – черное пятно. Много звуков, каждый в отдельности противный, а все вместе раздражают страшно. Кот смахнул со стола чайную ложку, а тебе кажется, будто упал весь шкаф с посудой. Идет, топоча, как стадо бизонов, запрыгнул и улегся рядом, мурлыча ровно целая голубятня. Хорошо, что в доме нет никого, кроме кота. Вместе со звуками сразу же приходит вкус всей употребленной накануне еды, сдобренной тиною и киселем из жухлого сена.

Это похмелье, друг, жестокое похмелье. И месть. Мечь за то, что после каждой рюмки была сигарета, а содержимое рюмок менялось, разбавлялось и шлифовалось. Вчера шлифовали абсентом, и сейчас Валя слышал не только кота, соседей, дворников, но и чавканье своего сердца. Это месть за бессмысленную игру на собственных сосудах, которые ты, глотая разное, растягиваешь и сжимаешь этойкой

гармонию и получаешь удовольствие от состязания истязанием. Привыкнуть к похмелью нельзя, оно меняется, обретает новые грани и демонстрирует новые формы мести. Сначала, в студенчестве, просто мутит, потом, в двадцать пять, выворачивает наизнанку, и уж позже, в тридцать три, приходишь к чавкающему сердцу. За тринадцать лет частых возлияний похмелье стало для Валико почти постоянным утренним раздражителем, как ненавистный сосед по коммунальной квартире.

Раз в неделю организм настойчиво намекал на расставание с бухлом, а вместе с ним и с похмельем. Мозг воспринимал и даже соглашался, но новый вечерний полет сомневающейся, ищущей души легко находил вход в бар, где сомнения разрешить не могли, но с готовностью давали ужин и пару десятков бокалов. Хотел забыться, а потом огорчен, что удалось и ничего не можешь вспомнить. Хуже похмелья только первая утренняя сигарета: и понимаешь, что не надо бы, но рука уже потянулась, зажигалка чиркнула и процесс пошел. Еще одно привычное самоистязание.

Сегодняшнее утро проигрывало остальным не только вчерашним абсентом: через два часа надо быть на репетиции. Сказаться больным варианта нет, больным он был в прошлые выходные, не прокатит. Терапия душем, котом, чаем и дошираком несколько улучшила общий фон, но совсем убрать поганство не получилось, остаток – на весь день. «Пойду пешком, – решил Валя, – хоть перегарная вонища выветрится».

...Улица оживила, хотя долбила по нервам звуками и мелькающими людьми. «Надо что-то делать, надо что-то делать, надо что-то менять». Эта старая мысль всегда являлась вместе с похмельем и быстро исчезала от одного запаха бухла. Но все чаще она стала приводить с собой подругу. «Хорошо, что дед не знает», – мощное подкрепление. Отношения Вали с дедом, добрые и дружеские, выделялись на фоне отношений с остальной семьей. «Потомок князей Геловани не может быть шутлом», – орал отец, а дед заступался: «Оставь его. Была бы голова, а шапка найдется. Геловани могут быть кем угодно, не могут быть только дураками». А теперь он, Валико Геловани, дурак. И он подвел деда. А может, еще не подвел?

«Надо что-то менять, надо что-то менять...» Мысли прыгали, мешали ногам. «Так, все. Только про репетицию. Что мы сегодня репетируем?» Приехали! Он не только не помнит текста, не помнит и спектакля. А сегодня вроде бы прогон в костюмах. Полный караул, а идти надо.

Сидя за гримерным столом и глядя в угол, Валя продолжал восстанавливать здоровье стаканом кефира и заодно собирал мозги в кучку, вспоминал рабочие моменты. В гримерку, как всегда энергично и шумно, вошел Юрлович, хотя в своем возрасте и положении он мог бы не спешить никуда и никогда.

– Здорово, сын Кавказского хребта!

– Ну чего ты орешь, Сергей, как режиссер в рупор. Тише,

мягче. Голова вся в битом стекле.

– Темперамент не пропьешь, Валя, хотя ты, я вижу, всю стремишься. Взывать к совести и агитировать я не буду, просто констатирую. – Он распрямил и без того осанистые плечи, оглядел Валу, как новый гарнитур, и заключил: – Выглядишь ты как жеваная шляпа – и сыграешь шляпу. Хватит пить.

– Слушай, я все понимаю. – Валя поморщился от очередного глотка кефира. – Умом я все понимаю, а...

– А живешь другим местом, – заржал Сергей. – И я знаю каким – жопой с приключениями.

– Блин, не беси. Вот ща меня не беси. – Валя закипал.

– Могу молча, – обиделся Юрлович и сел за свой столик.

В примерку шумно ворвалась завтруппой Зинаида Германовна, по совместительству – первосортная сплетница, интриганка и возмутитель любого спокойствия в театре. За глаза ее прозвали Зынгер. Разговор на любую тему она начинала без всяких приветствий, со слов «Слых, мужики» или «Слых, бабы». Когда контингент слушателей оказывался разнополым, начало менялось на «Слых, народ».

– Слых, мужики! Новости Олимпа! Демиург опускается до плебса, ангелы плачут и крестятся.

Валу от этих слов заштормило, остатки разума взбунтовались. Сергей, как обычно, сохранил понимание и доброжелательность.

– Зинаида Германовна, ну не томи. Что случилось в этом

то варварском, то святом мире?

– Позолоти ручку, барин! – Картинно виляя задом на цыганский манер, Зина присела рядом с Юрловичем. – Всю правду скажу.

– Непременно, голубушка, непременно. – Сергей достал из ящичка шоколадную плитку и протянул Зине. – Чистое золото.

– Ах, Сергей Дмитриевич, для вас – и сережку из ушка.

– Зачем нам второй Сережка? – угрюмым полушепотом заметил Валя.

Зинаида фыркнула в его сторону и продолжила.

– Одна хорошая знакомая из Минкульта рассказала сногшибательную новость: известный китайский режиссер Ли Шен вместе с известным российским режиссером Павлом Савельевым решили ставить «Разбойников» Шиллера. Репетиции в Китае, потом мировой тур и мировая премьера. Событие вызвало восторг и умиление даже у министра! – Зина распаялась. – Активная поддержка государства, поездку наших актеров финансируют по высшему разряду! – Рассказчица разогналась так, что была готова пустить в ход крейсера и подводные лодки, но сюжет иссяк.

– Зинаида Германовна, душа моя, отличная новость! Но скорее для Валико Зурабовича. Я для таких игрищ староват, да и занятость в театре – кто ж опустит?!

– Сергей Дмитриевич, да вы спятили, голубчик, – в тон ему ответила Зина. – Валя в международном проекте? Это,

простите, хрень собачья. Там престиж страны, а не пьянка.

– Я вас попрошу... – возмутился Валя и встал со стула с твердым намерением убить ее прямо здесь.

– И не просите – не получите! Истерик. И нечего хвататься за невидимый кинжал. – Зинаида Германовна смерила взглядом всех, включая мусорные корзины, и вышла.

Валя метался по примерке раненым тигром, готовый растерзать любого. Сергей набрал на мобильнике чей-то номер.

– Але, Сонечка. Здравствуйте, миленькая. Как ваше драгоценное? Ну, рад, рад. Такая красивая женщина просто обязана жить сто лет. Сонечка, а дайте угадаю – китайский проект вы курируете? Ну как же, конечно, знаю. Не-е-е, что вы, я сам – никак. Хочу предложить вам чудесного мальчика – талант, да что там талант – гений.

В трубке, видимо, обрадовались.

– Сонечка, я в долгу не останусь. Сегодня же заскочу с шампанским. Обнимаю.

Валя поморщился:

– Я так понимаю, что мальчик-гений это я.

– Ты, кто же еще? Давай, чувак, реальный шанс. Софья – куратор проекта. Она тебе поможет. Готовься. Ты, кстати, в курсе, что там надо быть в спортивной и очень здоровой форме? Валяй, Валя, у тебя всего полтора месяца.

Репетиция бесила, спектакль бесил, режиссер бесил, бесили все, даже друг Юрлович, хотя только он всегда был надежей и понимал Валу почти как дед. Зина, конечно, дура

и вечно несет пургу, к тому же уверена, что он никчемный. Как это вышло? Не так же все начиналось, и не таким должно было стать.

Отбившись от родительского гнева не без помощи деда, Валико поехал из Тбилиси в Москву, где и стал Вале́й. В его грузинской родне такое вольнодумство не приветствовали. Семья строгих врачей не умела разводить сантименты, а после рождения младшей сестры личностью Валико вообще особо никто не интересовался, кроме деда. Москва встретила бодро: грузинский темперамент и характер, сдобренные талантами, артистическим и вокальным, оценивались высоко, и Валико поступил сразу в два театральных института. Он гордился, что есть выбор, но в звездную болезнь впал не сразу. На третьем курсе случились потрясения, которые, сообразно нетвердости молодечества, выволокли на поверхность не лучшие свойства характера. Сначала его пригласили на главную роль в кассовом молодежном фильме, где хороший бюджет и звездный состав могли закружить голову даже стойкой личности. Надо сказать, что дела в кадре у Вали шли успешно, он и камера быстро поняли друг друга, съемки оказались в кайф, атмосфера способствовала носозадиранию. К тому же по случаю партнерства в фильме случилось взаимопонимание, а впоследствии дружба с самим Сергеем Юрловичем, которого Валя боготворил давно. Юрлович и познакомил его со своей племянницей Тamarой, ставшей, по собственному Валиному выражению, царицей его

сердца, а чуть позже и женой.

Много всего и сразу закружило голову, и Валико потянуло на бесшабашные подвиги. Учеба казалась ему бессмысленной, он рвался в кино, но больше не звали. Мелкие эпизоды, роли бандитов и киллеров – стереотипный выбор по внешности. Мастер курса был им недоволен, но его мягкая натура и Юрлович, уже в ранге родственника, оберегали от конфликтов. Валя так-сяк доучился, на многое забил, много недополучил. Взяли в Театр современной драмы, привычнее Совдрам, где уже много лет служил актером народный артист Сергей Дмитриевич. Но если на решение взять в труппу Юрлович слегка повлиял, вернее, попросил, то получать роли – тут, батенька, сам, в эти ворота на протекции не въезжают.

С Тамарой все стало портиться сразу после женитьбы: ревнивый Валико с трудом терпел Тамару в любовных ролях, жаждал детей и главенства в семье, по крайней мере так говорил. В реальности же ему казалось, что все вокруг по протекции, и его отношения с Тамарой тоже. К этому присовокупилось соревнование талантов; Тамара в его понимании выигрывала, чего грузинская гордость терпеть не могла и за что грузинская совесть жрала поедом. Огнетушитель – вино, много вина, потом водка, и виски, и все-все-все. Что же еще делать с гордостью и тоской? Заливать.

Валя перебирал свой короткий творческий путь, да и жизненный попутно, оставшись после прогона в примерке на-

едине с плавленным сырком – другой жратвы не обнаружилось. Он тоскливо выковыривал из кубика сыра куски пеперони. Нестерпимо хотелось выпить, но и доказать тоже сильно хотелось.

– Планируешь доказать, что ты не пьянь и еще способен потрясать талантом?

Схожесть смысла удивила. Валя обернулся к двери. Понятно, это Сергей. Начнет утешать.

– Так, паря-девка, собирайся и поехали ко мне, а то случится у тебя ОРЗ, – строго сказал Юрлович.

– Май месяц на дворе, какое еще ОРЗ?

– Терминологию надо знать. ОРЗ – «очень резко завязал», завязывать тоже надо с умом.

– У меня кот не кормленный, – вяло сопротивлялся Валя.

– Заедем по дороге. Давай-давай, шевели колготками.

Тамара

«Музыка играет так весело, так радостно, и кажется: еще немного – и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» Тамара подумала и повторила немного тише и не так пафосно: «Если бы знать, если бы знать!» Тамара – большая труженица, она все делает как учили, она записывает в блокнотик все замечания режиссера и рядом свои соображения. «Три сестры» в Театре на Трубной, где служит Тамара, идут уже третий месяц, а она все ищет и сомневается, сомневается и ищет.

Тамара Краснова долго не верила, что она действительно актриса, даже поступив в институт. Родители тоже недоумевали: как случилось, что они упустили свою девочку? Нормальная молодежь должна стремиться в другие вузы, нормальные. Дольше всего не могла смириться мама, в девичестве Юрлович, хотя ее родной брат был кумиром уже двух поколений зрителей. По мнению родителей, Тамара должна была идти в сторону Бауманки или МГУ – как карта ляжет, а карта оказалась казиношной фишкой, залетевшей совсем не на ту цифру. С чего вдруг?

Подростком восьмого класса математической школы она впервые вживую встретила со своим знаменитым уже тогда дядей, прибывшим из Петербурга без всякого секретного предписания на ПМЖ. Культурная столица не вмещала его

могучего дарования, которое оценили в Москве: пригласили в Театр современной драмы, известный еще с советских времен как Театр советской драмы. Переименование прошло спокойно и незаметно для обывателя. Он как был Совдрам, так им и остался.

Если раньше дядя для Тамары был сказочной богемной фигурой, то теперь питерский родственник частенько появлялся у Красновых с целью провести время – так сказать, за отсутствием кухарки имеем отношения с дворником. Другей у дяди в Москве почти не было, скорее наоборот, а душа требовала коммуникаций.

Как ни сопротивлялись родители, учеба в театральном институте случилась, а через полгода перестала быть сном и для Тамары. И тут появился Мастер. Нет, не тот Мастер, что у Булгакова – добрый и мудрый, а тот, что мастер актерского курса – прораб, строитель человеков-актеров. Как всякий специалист постройки, мастер курса ломал своих учеников об колено и обо все, что попадет. Никто и никогда не смог бы объяснить, зачем это делают, но так принято в большинстве театральных учебных заведений. Надломилась не только логичная математическая опора Тамары, но и душа хрустнула. Самый сильный надлом случился, когда с разницей в три месяца два сокурсника решили кардинально уйти из профессии: один в окно, другой через пачку колес и бутылку водки.

Обнаруженные в театре не только цветочки, но и волчьи

ягодки подкосили ее, но бросать начатое на полдороге Тамара не умела. В состоянии «я бесталанная бестолочь» Тамара получила от судьбы два поощрения: ожидаемое – диплом о высшем актерском образовании и неожиданное – приглашение к Мастеру в труппу Театра на Трубной, где он худрук. Четыре года слышавшая от Мастера о своей бездарности, она никак не могла связать этот факт с его желанием взять ее в свою труппу. Тамара окончательно разуверилась в применимости формальной логики для задач повседневной жизни и свалила от родителей замуж.

Сменой Красновой на Геловани разочарование на счастье сменить не удалось. Муж, тоже актер, любил Тамару до опупения, но, как говорят в статьях по психологии, «не соответствовал ожиданиям». Снявшись один раз в главной роли в кино и подружившись в процессе съемок с Тамариным дядей, Валико Геловани возомнил себя не только потомком грузинских князей – кем и был, кстати, – но и знаменитым актером, которому по статусу положено наводить в семье домострой. В активной фазе строительства семьи по модели «Женщина, твое место у плиты» Тамара согласилась, что именно у плиты – гранитной плиты с именем мужа. В тюрьму не хотелось, пришлось захотеть в развод и вернуться в фамилию во всех смыслах: в знак протеста она опять стала Красновой. Родителям не понравилось все. Поэтому, не канифоля ей и себе мозги, они отселили дочь в бабушкину квартиру в «жопе географии» Москвы, а бабушку забрали к се-

бе. Четыре года Тамара играла в театре что придется, бегала по кастингам и иногда мелькала в трехминутных киношных эпизодах. Какому актеру не хочется звездного момента! Всем хочется. Прождав все жданки, Тамара подумала о смене всего, включая планету. Тогда «Случай – бог-изобретатель» бросил в ее сторону луч света: ей дали роль Ольги в чеховских «Трех сестрах» – первую серьезную роль в ее активе. А сегодня еще и звонок с киностудии:

– Добрый день, я могу поговорить с Тамарой Геловани? – Незнакомый женский голос напомнил ей о существовании бывшего мужа.

– Добрый! Я Краснова, давно уже, года три. Если вас это не смущает, то говорите.

– Простите, вы Тамара или я совсем ошиблась номером?

– Совсем не ошиблись, Тамара. Была Геловани, а теперь Краснова.

– А, Геловани – это ваша девичья фамилия?

– Нет, Геловани – это его девичья фамилия. Мы развелись, и я вернулась к Красновой. Простите, вы из ЗАГСа?

– Почему из ЗАГСа? – обиделась трубка. – Я Наиля Заирова, кастинг-директор. Вас порекомендовали на роль в нашем новом сериале, режиссер посмотрел фото в базе и просил связаться с вами. Сможете приехать завтра на пробы?

– Смогу.

– Куда прислать сценарий?

– Я вам почту эсэмэской кину.

– Да-да, а я вам в ответ место и время. – Трубка попрощалась и отключилась.

«Интересное кино», – думала Тамара. Ну кто, как не дядя, мог сосватать ее под мужниной фамилией, только он. Он единственный был упрямым защитником Вали, как бы тот ни выделывался. Помедитировав у мобильника, Тамара набрала номер дяди.

– Привет, моя дорогая! Хорошо, что ты звонишь. У меня интересная новость, я только что из Минкульта.

– Привет! Вообще-то я про другое, но можно начать и с Минкульта. Орден дали или звание?

– Тьфу-тьфу. Ордена – посмертная атрибутика, а я с добрыми вестями. Есть крупный театральный проект, совместный с Китаем. Ставить будет известный китайский режиссер. Проект серьезный, фестивальный. Полгода тур по Востоку, потом Америка. Я тебе пришлю телефон одной дамы, она точно расскажет, она будет помогать в кастинге Шену Ли или Ли Шену – все время путаю, что у них где.

– А Ли Шен – это не два счастливых парня, а только один? – съязвила Тамара

– Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие. Сейчас пришлю телефон, звони прямо сегодня.

Лариса

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы... Какой странный наборчик... несовременный и несуразный... Крабы, мидии, лангусты, усатые креветки – реклама средиземноморского ресторана, блин. А следом как раз молчаливые рыбы, морские гады... Сплошные гады кругом», – так думала Лариса, ползая «ужиком» по коврику. Она сама себе придумала такую гимнастику по утрам. Ее гибкое стройное тело настраивалось, как она утверждала, на выживание в предлагаемых жизнью сволочных обстоятельствах.

Заканчивая извивы, она вытянулась в свободной расслабленной позе и громко сказала:

– Зверье ползет на меня со всех сторон и хочет напиться моей крови.

Каждый сам про себя лучше знает, что его заряжает на долгий и трудный день, на борьбу и азарт. Сочетание борьбы и азарта она нашла в умной психоделической книге, которую притащила Томка, сожительница по гримерке в Театре на Трубной. В книге Лариса осилила четыре с половиной страницы, открытых наугад в середине, а запомнила только про борьбу и азарт. Оригинальное свежее сочетание названий вдохновляет и соответствует ее характеру. Актерская память так устроена: если что-то зацепит эмоционально, за-

помнится обязательно. Правда, слова «борьба» и «азарт» Лариса понимала по-своему, как, собственно, каждый понимает по-своему слова широкого индивидуального толкования: «хорошо», «красиво», «глупо». Борьбой у Ларисы считалось упрямство с налетом истеричности, а азарт сводился к бестолковой суете.

– Лорик, а кто такой Ли Шен?

В комнату вошел Иннокентий. В жизни Ларисы он имел статус приходящего на секс любовника. Секса становилось все меньше, и качество начинало страдать, но мы же знаем, что чемодан без ручки все равно чемодан: нести тяжело, бросить жалко, а складывать туда всякую дрянь и запихивать на антресоли – удобно. Вот она и складывала в Иннокентия багаж отдельных моментов: слезы, юмор или жесткий сарказм. Что накопилось в избытке, то в Кешу и летело.

– Лишен – тот, у кого чего-то отняли зверским образом.

– Почему зверским? Может, мягко отняли и даже извинялись при этом.

– Кеша, чего хотел?

– Человек, которого зовут Ли, по фамилии Шен, говорит это тебе что-то?

– Говорит, если это китайский режиссер, и не говорит, если это другой китаец.

– Лорик, ну ни слова в простоте. Нормально можем говорить? Или я тебе ничего не скажу!

– Можем, давай говори.

– Я подписан в «Фейсбуке» на Дану Брегович. Это американка сербского происхождения. Утром она выкатила пост, что этот Ли Шен собирается сделать новомодный театральный проект с русскими актерами, поэтому через месяц-полтора будет в Москве проводить кастинг. Пост написан так, будто про это все давно знают и следят за развитием событий, она просто уточняет дату. А ты знаешь?

– А кто эта американка из Сербии?

– Баба.

– Хосподя, по профессии кто?

– А-а-а. Журналистка, пишет про всякий культурный код и модные заварухи в кино, в театре, про шоу пишет.

– Чёт я не верю, фейк, думаю. Шен делает мощные штуки, у него свой театр в Шанхае, на который молится весь Китай, потому что молится весь мир. Национальное достояние, живая легенда, идол театрального мира.

– Ух ты, столько умных слов в одном предложении! Учила роль чиновницы из какого-нибудь министерства?

– Ты придурок, Кеша, или как? Я тоже новости читаю. Иногда.

– Придурок – он при дураке, а я при дурочке.

– Короче, я не верю в эти слухи, а если он и собрался что-то делать, то нафиг ему русские?

Кеша, утомившийся от утреннего складывания в него как в чемодан, срочно согласился.

– Тебе виднее, Лариса Борисовна, у тебя очки. Все, я по-

шел. Созвонимся.

Лариса, извиваясь теперь «ивушкой», поднялась проводить любовника.

– Да-да, созвонимся. Потом. Пока. Чмоки-трямки.

Иннокентий ушел. Может быть, к себе, может быть, в редакцию. Она не интересовалась. Зачем? Бродя по квартире в поисках себя, одежды, телефона и прочего, что она регулярно теряла, Лариса пыталась сообразить, как выяснить точнее и достовернее про этого китайца. Попасть в такой проект не просто победа, это азарт. Азарт и борьба. Зарядка действовала, ее явно тянуло и на азарт, и на борьбу.

«Надо бечь в театр, срочно бечь в театр, там, в стае худрука, всегда все знают, что-нибудь да разведаяю», – размышляла Лариса. Не найдя документов на машину, Лариса, внутренне матерясь, поехала в театр на метро.

...Недаром ей запало в душу бойкое сочетание «борьба и азарт»: смысл жизни ее заключался в азарте, зовущем на борьбу, а борьба рождала новый азарт – борьба нанайских мальчиков, в нашем случае – девочек. Размышления о своем месте в театре, а особенно в кино тоже давались непросто. Тонкая, изящная Лариса имела нестандартную, «ампирную» внешность. Ей бы играть королев эпохи Людовиков. Буфы, бейки, банты и шляпки были ее стилем. И если в театре королевский стиль иногда всплывал в репертуаре, то в кино преобладал полицейский китель, который превращал ее в воющую левретку из программы «Снимите это немедленно».

На пробы звали часто, но сниматься брали редко. Неформат.

На днях повезло: Лариса попала на кастинг незамысловатого детектива и, кажется, всем понравилась. Пробы были дважды, причем кастинг-директор постоянно что-то у нее уточняла – верный знак, что на роль утвердят. При текущей занятости в театре новый проект любого масштаба не вмещался в количество часов в сутках и дней в году, поэтому смысла волноваться по поводу непонятных слухов вроде бы и не было, но не волноваться и не стремиться Лариса не умела.

Сегодня в театре нет ее спектакля, репетиции тоже нет, могла и не приходиться, но жить при невыясненных обстоятельствах невыносимо. Лариса переходила из одной гримерки в другую, ее нигде не ждали, не звали и не всегда хотели. Она присаживалась на краешки стульев, смотрела каждому в глаза, томно несла что-то о любви к китайской кухне или о смысле китайской стены и невпопад бессвязно рассуждала о жизненных принципах тибетских монахов, хотя, кроме названия, не знала о них ничего. Дважды у нее заподозрили мозговой коллапс, трижды намекнули на то, что баловаться наркотиками опасно, а один раз тупо вышвырнули из костюмерной. Костюмеры – народ злой, артистов не любят, а придурков не любят нигде.

Хаотичные перебежки по коридорам подстегивало начало фразы «Дорогу осилит...», но кто ее осилит, она не помнила: крадущий, грызущий? Удовлетворилась версией «бреду-

ций», искренне думая, что это означает «бредящий», и продолжила поиски. Время подходило к началу вечернего спектакля, а информации не прибавилось. Спрашивать в лоб опасно. В любовно-фронтальных условиях театра можно «расплескаться» полезную информацию себе во вред. Лариса пошла в родную гримерку, чтобы в спокойной обстановке сменить тактику, и нашла то, что долго искала.

Тамара, коллега-подружка, встретила ее как долгожданного слушателя:

– Хорошо, что ты зашла, я тут такое узнала. Представляешь, Ли Шен, тот самый, приедет в Москву! – Тамара смотрела на Ларису в ожидании произведенного эффекта с видом бога-громовержца.

Сил изображать равнодушие у Ларисы не осталось.

– Ну?

– Баранки гну. Серая ты, мать.

– Сама ты... мать, – отшутилась Лариса.

– Рассказываю: этот Ли Шен – друг нашего Паши Савельева, ну, который ставил «Ревизора» в Малом.

– Помню.

– Так вот, они замутили крутой театральный проект – будут ставить «Разбойников» Шиллера в какой-то забавной интерпретации. Получили поддержку двух министерств, потому что... падамц... – Тамара сделала длинную интригующую паузу.

– Томка, не тяни kota на мыло.

– Ладно. Основная тема постановки: Запад сходится с Востоком в поисках гармонии тела и духа. Короче, пьеса будет про ЗОЖ.

– Про ЗОЖ? – уточнила Лариса, уверенная, что это не привычный всем здоровый образ жизни, а народная китайская аббревиатура.

– ЗОЖ, здоровый образ жизни. Они же оба йоганы, веганы-шмеганы и великие зожники, а наши тут же ухватились. Модный тренд, поручение президента, все дела.

После слов «поручение президента» Ларису окончательно накрыло отчетливой мыслью, что Тамару подменили, заколдовали или подучили.

– Тамара, откуда ты это принесла?

– Ларка, обижаться неохота, чесслово, потому что лицо у тебя сейчас – глупее не придумаешь. Самое интересное – в каст возьмут только зожников.

– Как это?

– А вот так! Ли Шен считает, а Паша поддерживает, что проникнуться идеей и погрузиться во весь этот бутор может заядлый зожник, а талант там или физиономия – вторично.

Лариса одновременно потеряла и нашла интерес, проект смахивал на вызов.

– И как они собираются проверять, интересно? – На автомате Лариса достала фляжку с коньяком из-под кресла и отхлебнула. Тамара с удивлением смотрела на манипуляции с фляжкой.

– Коньяк точно не входит в список употребляемых продуктов. Как они проверят, неизвестно, но как-то будут. Может, согнут каждого в восемь тайских узлов, может, попросят показать, как умеешь работать на тренажерах. Может, и то и другое. Основной цимес проекта не в странном подходе.

– А в чем?

– Всех выбранных повезут в Китай, за три месяца поставят пьесу, потом тур по Китаю, Японии и США, а потом фестиваль в Корее. Тот самый, Лар. Тот самый, не пялься на меня с такой удивленной рожей. Но! Но! Там одна, и только одна, женская роль. Правда, играть вроде в состав¹ надо.

Лариса поменялась не только в лице, но даже в осанке.

– А ты, подружка, сучка-ватая. Теперь я поняла. Ты мне все это рассказала, потому что ты уже пролезла со своими театральными родственниками? Дядюшка твой уже бежит в министерство кланяться?

– Дура ты истеричная, Лариска. Тебе скипидару налить в правильное место, и потом только танки остановят.

Тамара резко вылетела из гримерки одновременно с ударом двери.

В динамике шуршала обычная трансляция – играли спектакль.

¹ «Играть в состав» – актерский жаргонизм, означает ситуацию, когда на одну роль назначено несколько актеров (прим. ред.).

Роман

«Любишь ли ты театр, скотина, так, как я люблю его?!» – хотел крикнуть режиссеру актер театра «Классика» Роман Сомов, когда два года назад распределяли роли в «Гамлете». Он, конечно же, ничего подобного не сделал и скромно довольствовался тем, что дали. Какой же теперь смысл раздражаться, что он в сорок третий раз участвует в спектакле первые семь минут, чтобы сказать две с половиной фразы. Он – солдат Франциско в первой сцене: «Как раз вы вовремя сюда пришли».

С одним Франциском в активе не сильно-то разбежишься. В поиске дополнительного заработка Роман задумчив и мрачен. В мирное время он весельчак и хронический оптимист. Он, например, верит, что успех случится, может быть, завтра, и потому, не жалея себя, хлопчет по кастингам и пробам. Нынче вечером его обещали познакомить с одним молодым киношным режиссером, про которого ходят слухи, будто бы он затевает длинный сериал с незамусоленным сюжетом и будто бы уже есть финансирование. В общем, надо оказаться в поле зрения.

Роман быстро сменил камзол солдата на гражданское, раздал прощальные объятия всем, кого встретил в коридорчиках, открыл было дверь служебного входа-выхода и тут же закрыл ее обратно, пулей шмыгнул в небольшую архитектур-

ную загогулину, спрятался, притих и почти не дышал. К службному входу в театр шла Вета Грибова, очень известная в театральных кругах особа. Родители дали ей имя Елизавета, но кого теперь этим удивишь. «Вета» – почти экзотика, правда, смахивает на собачью кличку, но это не беда, это как раз здорово, потому что добавляет оригинальности и способствует запоминанию. Кто такая Вета Грибова? Такой вопрос никогда не родится в головах театрально-киношной тусовки. Прежде всего, Вета входит в группу специальных людей, которых нынче принято называть «лидеры мнений». Какая профессия у Грибовой, никто не знает. Может быть, она театровед, может быть, журналистка, может, просто любит писать – это неважные и ненужные подробности. Вета Грибова блогерша и ведет три колонки в разных интернет-изданиях, где пишет о театре и иногда о кино. Пишет она часто, много и ядовито. По большому счету, мнение Грибовой – просто сплетня, слух, пущенный по интернету, поэтому распространяется быстро и тут же выплескивается в кулуарные разговоры, увеличивая поток устным распространением мнения.

Секрет грибовской аналитики прост, как метла ведьмы, на которой не всякий соблазненный примитивностью устройства сумеет полетать. Качественный яд делают профи. Если кто-то и захочет стать последователем, то внешне все безобидно. Каждый день она выбегает в «Фейсбук» и шарит по страницам, как выпущенная погулять собака снует по кустам: здесь прочесть, там написать, кое-где пометить, об-

лайкать, зафрендить, отфрендить – и домой, то есть обратно в реал. Далее собранные мысли превращаются в тексты для колонок, где и выносятся приговор. Наклеив ярлыков, Вета на следующий день посещает известные тусовки, чтобы послушать, какова реакция на ее опусы. Спроси любого, почему заветное слово имеет силу – и не получишь вразумительного ответа, но факт остается фактом. Вета ни в чем не нуждается, божий промысел приносит ей приличный доход. Ей не хватает простого человеческого общения, одинокая она.

Считать ли везением или наоборот, сказать трудно, но Вета Грибова, дама послебальзаковского возраста, почему-то положила на Романа глаз. Причины и цель сего феномена объяснению не поддаются, поскольку ничто не указывает на естественный женский интерес к нему как к мужчине. Совсем нет! Вета не зазывала его к себе домой, не напрашивалась к нему, и вообще никаких намеков на романтику. Она вылавливала Романа при каждом подходящем случае, тараном прижимала к стене в каком-нибудь общественном интерьере и занудно, как лектор-общественник из прошлого века, «жевала» давно известные истории из театральной жизни, представляя их как поучительные для молодежи. При этом мнения Романа она не спрашивала, в ее лексике вообще не предусматривались вопросы, все ответы она знала сама. Внимание Веты приводило Романа в полное отчаяние. Вы, конечно, спросите, почему Грибову нельзя отправить подальше простым словом «Отстань!» или более корот-

ким, но сильным? Кто-то, может быть, и смог бы, но не человек публичной профессии, в которой охраняемый имидж и благожелательные слухи определяют половину успеха.

Короче, Роман не знал, как отвязаться от Грибовой. Сейчас она совсем уж некстати. Пара минут в укрытии – и на свободу. Роман подождал еще немного для страховки, выскочил из ниши и нос к носу столкнулся с Ветой. Опаньки! Теперь не отвертеться. Они приветствовали друг друга как старые друзья, которые рады случайной встрече, – театр все-таки. Но Роман был настроен решительно как никогда. Тыкая пальцем в свои часы, он повторил раза три: «При всем моем сегодня никак, очень важная встреча», – и тщетно пытался проскользнуть мимо тетки с какой-нибудь стороны. К деловым встречам Вета относилась по-деловому, это факт. Она не стала «размазывать» и сухо сказала:

– Ничего не может быть важнее информации, которую я несла специально для вас, юноша. Я коротко, по существу. Потом можете бежать на все четыре.

Роман заискивающе промямлил:

– Огромное вам за это спасибо.

Вета оставила реплику без ответа:

– Так вот, дорогой мой. Известный нам с вами... Надеюсь, вы это помните? Итак, известный китайский режиссер Ли Шен вознамерился создать гигантский суперпроект. Он собирается поставить шиллеровских «Разбойников» силами в основном российских актеров плюс знаковые единицы дру-

гих наций, а затем проехать с этим спектаклем весь мир, начиная, разумеется, с Китая. У нас об этом знают не более трех человек: я, министр культуры и еще один деятель. Если вы отнесетесь к сему факту с должным вниманием и найдете способ понравиться Ли Шену, то ничего более грандиозного я бы вам и не пожелала.

Роман оживился:

– Хорошо бы еще понять, что значит «понравиться китайцу». У него, небось, и требования-то экзотические?

Вета победно вскинула голову и торжественно произнесла:

– А я вам подскажу!

Роман устался на Грибову в ожидании секретной подсказки и был готов к любой неожиданности.

– Видите ли, дорогой друг, многим эрудитам известно, что Ли Шен – ярый проповедник здорового образа жизни. И есть у меня сведения, что в труппу он намерен собрать исключительно единомышленников. Так сказать, не просто братья-разбойники, но и братья по вере. В общем, чтобы стать для него своим, надо разобраться в философии ЗОЖ и даже кое-что уметь. Иначе никак.

С таким закидоном Роман еще не сталкивался. Он слушал свою благодетельницу и пытался понять, не врет ли мадам. Может, у нее совсем крыша поехала? Почувствовав недоверие, Вета подтвердила:

– Это чистая правда. Не я одна, многие знают, что он зож-

ник. Но интересно еще и другое: он намерен подтянуть этот ЗОЖ к трактовке Шиллера, такая вот хитрая концепция. Об этом-то как раз знают не многие. Но у вас, Рома, есть время подготовиться – китаец появится в России не раньше чем через месяц. Не переживайте, я буду держать вас в курсе. А теперь можете бежать на вашу важную встречу. Удачи.

Она резко, как солдат в карауле, развернулась к Роману спиной и тут же исчезла в темном фойе. Пребывая в странном оцепенении, Роман продолжал стоять. Ему даже показалось, что никого и не было, и разговора не было. Так, привиделось что-то нелепое.

«Отомри, болван!» – приказал он себе и вышел из театра на улицу. События последнего получаса все еще казались видением. Или это была правда? Вряд ли Вета Грибова способна на выдумку такого масштаба, тем более на розыгрыш. Проблем зожников ему только не хватало. Важно ли это для него или наплевать? Все-таки встречу с молодым кинорежиссером игнорировать не стоит. Роман усмехнулся и пошел в сторону метро. По ходу родилась и намертво прилипла нелепая фраза в такт шагам: «Зожники – заложники – подснежники – художники».

Леха

«Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки! Лей, дождь, как из ведра и затопи верхушки флюгеров и колоколен! Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль, деревья расщепляющие, жгите мою седую голову!» Леха стоял у окна и смотрел, как разыгрывается гроза. Ветер почти сдул прохожих, вот-вот начнется ливень. В Лехиной душе тоже намечалась гроза. Молнии мигрени и сильный ветер переменных направлений в голове, поиски то истины, то еды, обрывки разных ролей – все вперемешку. Знакомый признак депрессии.

Леха ждал телефонного звонка уже третий день. Все знают прописную истину: чем пристальнее смотришь на чайник, тем медленнее он закипает; вот и с телефоном так же: сильно ждешь звонка – его не будет. Поэтому Леха поставил городской телефон на автоответчик, а мобильный забросил в дальний угол. Ждать желаемого невыносимо. Книга не отвлекала, фильм – еще хуже. Фильм взбесил особенно, в нем играл Смоктуновский. Леха не мог понять, как можно вот так, в приличном возрасте стать популярным и востребованным. У него, у Лехи, никак не меньше таланта, а не звонят. Ему уж сорок два, и все еще Леха. Не Алексей Михайлович и даже не Алексей, а Леха, черт их всех дери. Грех жаловаться, в театре «Новое время», где он трудится уже миллион лет, роли приличные и в серьезных постановках. Но где сей-

час театр? Вот кино!

Приятель рассказал на днях, что слышал, будто его, Лехина, кандидатура рассматривалась в новый сериал. Средний, в общем-то, сериал, но роль главная, а Леха загадал давно: как главную в кино получит, так покатит. Персонаж, конечно, не ахти, детектив, подражание французам – убийство в санатории, в нашем, разумеется, санатории, но расследование ведет майор, без полминуты подполковник, с яркими рыжими усами и сумасшедшей проницательностью. Его случайная добровольная помощница – привлекательная дама плюс-минус тридцать, с которой по сюжету развивается роман. И первая главная роль.

Автоответчик замигал, чвакнул, крякнул, и Леха услышал свой сладко поставленный голос: «Вы позвонили Алексею Чарскому, оставьте сообщение после сигнала», – чпок, пи-и-и...

– Тузик, привет! Ты дома? – Только мама чаще всего звонила ему на городской, и только мама всю жизнь называла его Тузиком, изредка Тузенбахом – от совсем уж гневного расположения.

– Тузик, але! Ну ты же дома, сними трубочку!

Говорить с мамой надо, но неохота. Мама, уникальный преподаватель английского языка, не одобряла никого по принципу Портоса «Не одобряю, потому что не одобряю»: сына, мужа-дипломата, сестру – известную детскую писательницу, первую жену Алексея – балерину. Мама не уме-

ла одобрять, правда, компенсировала это тем, что и себя не одобряла.

Все Лехино детство, включая школу до девятого класса, семья Чарских жила за границей. Папа, атташе по культуре с пятью языками в анамнезе, служил то в одном, то в другом посольстве, преимущественно в англоязычных странах: Австралия, Канада, Великобритания. Алексей вернулся в Москву пятнадцатилетним щеголем в модных шмотках. Для девочек в новом классе он стал идиолом: он уже видел порнуху, пробовал марихуану и знал кучу такого, чего даже предположить не могли его сопливые одноклассники. Когда по собственной инициативе его агрессивно соблазнила самая длинноногая десятиклассница, трахнув на матах в спортзале, он окончательно почувствовал себя Шварценеггером как минимум и Де Ниро как максимум.

– Тебе ли не поступать на актерский?! – заявила соблазнительница. – С такой внешностью, фигурой и шмотьем все учительши будут кончать от мысли о сексе с тобой.

– В вузе они называются преподаватели.

– Вот-вот, каждая баба от двадцати до пятидесяти захочет быть давательницей, – томно поводя плечиками, подтвердила девица.

Слова запали и назойливо сверлили Лехины мозги. Отец тогда еще был жив и помог сыну с протекцией, кто же откажет чиновнику от культуры. От матери намерение скрыли, благо в период вступительных экзаменов она гостила у по-

други во Франции и была уверена, что чадо пошло на журфак МГУ. Потом по квартире несколько месяцев гуляли шторы, но Леха был тверд. Он еще не знал, что с талантом у него не так уж и круто. Нет, он не был бездарью, искра бегала в нем и изредка вспыхивала пламенем, но не гений, просто добротный профессионал, каких много.

– Да, мама, я тут. – С мамой, как в старом анекдоте, проще дать, чем два часа объяснять, почему нет.

– Тузик, какого сакрального смысла жизни ты ждешь от телефона на этот раз? – Маму не проведешь, даже если захочешь.

– Да я не жду, скорее наоборот, не хочу слышать.

– Леша, ты бойся другого. Совсем скоро никто не захочет слышать тебя. Сколько можно ловить птицу счастья? Ее хвост давно ощипали более шустрые. Займись делом! Можно на пятом десятке заняться делом?

– Мама, а я по образованию актер и больше никто.

– Ну что сейчас образование, кроме бумажки? Вон бизнес-тренеры, консультанцы...

– Консультанцы – это сильно!

– Не цепляйся к словам, я оговорилась. И перестань переводить разговор на другую тему. Тебе скоро полтинник, ты хоть бы женился, что ли, на приличной женщине. Кому ты будешь нужен в старости?

Леха устал и больше не слушал. Он только сейчас понял, как нечеловечески он устал доказывать, бороться, справ-

ляться, в том числе с мамой. Мама в свои шестьдесят семь выглядела его ровесницей, была стройной, держалась прямо и высокомерно. Красотка от природы, обожаемая мужем-дипломатом и имевшая все, чтобы реализоваться в своей профессии, она и реализовалась, удалась. А он не удался, не оправдал материнских надежд.

«К ляду всех, – подумал Леха, положив трубку. – Не будет роли в кино – плюну и уйду». В это время звякнул мобильник:

– Але! Я могу услышать Алексея Чарского? – Незнакомый голос с незнакомого номера.

– Да, я слушаю.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович! Меня зовут Наиля, я кастинг-директор сериала «Требуется портье». Мы хотели бы вас пригласить на пробы, вы сможете завтра?

– А что за роль? Прислали бы сценарий для начала, – важничал Леха. Настроение последних дней сделали его плохо сговорчивым.

– Конечно, пришлю, – ответила дама. – А роль главная.

– Звучит заманчиво, – сказал он, – но мы-то с вами знаем, что не всякая главная роль – главная.

Наиля хмыкнула.

– Соглашусь. В нашем случае это майор полиции, приехавший на отдых в загородный отель. В отеле происходит странная смерть, даже не сразу понятно, что это убийство. Наш майор настолько умен, этакий Пуаро, что сразу понял –

дело нечисто, и начал расследование. В процессе у него появляется напарница – молодая приятная дама, случайно оказавшаяся то ли свидетелем, то ли участницей заварухи. Этакая мисс Марпл, но молодая. А еще там... – разогналась Наиля.

– Есть другой полицейский, этакий Коломбо, но трансвестит? – сострил Леха.

– А-ха-ха. Нет, никаких трансвеститов, только добротный интеллектуальный детектив, – завершила Наиля.

– Уже любопытно. Жду сценарий, место и время кастинга, – сказал Леха.

Взъерошенный матерью и собственными переживаниями, он с таким напряжением ждал этого звонка, что свершившийся факт ничего не изменил. Настроение было поганое, тем более что приглашение на кастинг еще не есть роль. Нужна сильная встряска, но сегодня он играет спектакль. Пора в театр.

Валико

От театра до жилища Юрловича полчаса езды плюс крючок еще на полчаса к дому Вали – кота покормить. За это время они почти не разговаривали, так, мелкие реплики по ходу. Валя продолжал самоедство, а Юрлович, пожалуй, впервые, задумался: а чего он лет пять или уже семь носится с этой неразумной парой «Валя плюс Тамара»? До переезда в Москву он редко вспоминал свою сестру, а ее семейство и подавно. С девочкой-племянницей виделся пару раз на бегу, дети его никогда не интересовали. Родня не вписывалась в его насыщенную событиями творческую жизнь, не говоря про личную, которая временами смахивала на глупый, но смешной водевиль. «С чего я вдруг привязался к ним как отец родной?» – спросил он себя и понял, что ответ в слове «отец». Оказывается, хочется быть отцом и наставником, время пришло, наверное. Он вспомнил, что в прошлом году как раз в эту пору его звали взять курс в училище (или как там теперь оно называется?), – забыл. «Надо наведаться к ректору. Может, не передумал еще».

Квартира Сергея Дмитриевича, огромная, но складно продуманная для себя лично, обволакивала гостей уютом. Валя, посетитель не редкий, каждый раз удивлялся ощущению, что пришел домой, где можно быть самим собой без дипломатии и политеса. Для хозяина ценность квартиры бы-

ла еще и в том, что в соседнем доме располагался ресторан, приемлемый по меню и ценам. Сергей Дмитриевич включил свое обаяние и немедленно стал другом всего коллектива столь чудесного, а главное, нужного заведения. Для него сегодня заказать ужин на дом – снять телефонную трубку.

Бойкий парень приволок целый саквояж яств и ловко расставил их на свежей скатерти. На ужин было предложено меню типа «Дружба народов». Сначала жизнерадостная Адриатика в виде разноцветного греческого салата, после которого хозяин предложил по пятьдесят грамм отличной водки из вычурного старинного графина. Водку он сам настаивал на лимонных корочках. Выпили, и графин тут же вернулся в шкафчик, считавшийся баром. Далее шел настоящий грузинский харчо, в котором всего в меру: грецкий орех не подавляет нежную кислинку ткемали, а подыгрывает ей, создавая приятную композицию; чеснока немного, чтобы не убивал все блюдо своей вкусовой навязчивостью, а растворялся в горячем мясном бульоне, подчеркивая его наваристость. Завершалась трапеза котлетами из мозгов по-новгородски. Нежнейший продукт русской кухни легким перышком покрывал съеденное и выпитое.

«А мозги-то он заказал с воспитательным смыслом», – подумал Валя, но тему ущербности своих мозгов поднимать не стал, а спросил иное, всплывшее совсем случайно из каких-то глубин сознания:

– А скажи мне, Сей Дмитрич, почему театральные на ста-

ринную классику тянет? Дряхлую и примитивную, как наша уборщица. Если им ЗОЖ приспичило, так писали бы современную пьесу, зачем старинных разбойников притягивать за уши?

– Э-э-э, как ты воспринимаешь. Нет, друг Валико Зурбович, не так это. Во-первых, где ты возьмешь современных драматургов уровня Шиллера, Пушкина, Чехова? Чехов вообще отдельная статья. Вторым номером идет престиж, соревнование в оригинальности: взять то, что ставлено-переставлено в мире, и переиначить, чтобы критика «Ах!» – и в обморок, а зритель «Вау, мать вашу!» – и с букетами. К тому же актеры, ты и сам знаешь, не особо жалуют современную драматургию. Плоская она, однозначная, все дно на поверхности, как мелководье. Да и пророков в своем и не в своем отечестве нет, как принято в человеческой среде. Вот умрет гений, тогда его и прочувствуют лет через пятьдесят, как Булгакова, например. А самое главное, они же как, суки, писали! Если выбрать правильный угол зрения – современнее не придумаешь. Классики, если разобраться, современнее ныне живущих и пишущих.

Валя возмутился:

– Ну ты завернул! А скажи мне, что современного в «Евгении Онегине»? Такого сейчас вообще быть не может.

– Не видишь ты главного. Сделать из Онегина современную историю – как два пальца... Слушай. Есть мальчик-мажор Евгений, Женя. У него папа – олигарх, мама – пофиг

кто. Женя тусит в Питере, прогуливает папенькины денежки, крутит с девицами, танцует по клубам. В одном из клубов случается драка, неожиданно кто-то сует Жене в руку травмат, и Женя ранит в ногу известного продюсера. Папенька скандал утрясает, но гневается по-взрослому и говорит сыну человеческим голосом: «Вот что, козел, нефиг деньги мои прогуливать, зарабатывай свои. Для начала отправишься в Крым к своей бабке, у нее дом с садом и виноградник, будешь ей по хозяйству помогать». Евгений плюет себе в бороду, папаше под ноги и отваливает, денег-то у него других нет. Втайне он надеется, что в Крыму тоже люди и они разные, можно найти компашку, чтобы жить, как в Питере, жизнью повесы и кутилы. Но хрена лысого. Бабкина усадьба в горах на диком отшибе, хозяйство у нее – туева хуча гектаров земли, где в основном виноградник, и пахоты там немерено. Папаша кредитки отобрал, оставил мелочевку. Из всех развлечений – два коттеджа по соседству, такие же сельские виноградари. В одном доме живет мужик с сыном Владимиром, примерно того же возраста, что и Женя, в другом – папа, мама и две дочери, Ольга и Татьяна. Евгений с Владимиром слегка подруживается, но троллит. Его забавляет провинциальный романтизм, незнание столичной жизни, искусственное, как ему кажется, обожание Ольги. Но вместе с Вовой он начинает ходить в дом Лариных.

Валя покосился на Сергея в недоумении – здоров ли он? Зачем опять ужасы школьной программы?

– Ну ладно-ладно, не Лариных. Не пугайся, Петровых.

– Петровы еще страшнее, с одной стороны живут Петровы, с другой – Васечкины.

– Все, не Петровы. Константиниди они, потомки греков, Крым же. Итак, начинают бывать в доме Константиниди. Татьяна западает на Женю, Женя решает подразнить Владимира и пытается крутить с Ольгой. Ольга, в общем-то, дура. Она не понимает в этом ни бельмеса и ведет себя странно. Владимир с горя напивается, идет пьяный купаться в море и тонет. Перед тем как потонуть, бухой пишет письмо Ольге, из которого понятно, с чего понесло его в море топиться. Полиция цепляется к Евгению. Бабка в страхе телефонирует папашке. Папашка-олигарх свирепеет окончательно: «От тебя толку нигде!» – и отправляет сына в Тибет, сидеть с монахами и познавать истину без бабла. Ну, ясен перец, перед этим Татьяна зазывает его на вечернее свидание при луне и объясняется в любви. Он ей: «Отстань, девушка, я в печали, и вообще неприлично девице навязываться первой». И вот в таком фасоне отваливает в ссылку.

– И что? – Вале уже стало интересно.

– Ты слушай. Дальше прошло пять лет. Образумившийся и заматеревший Евгений, прошедший после монахов и познания дзена несколько горячих и холодных точек, мудрым и благородным возвращается в Питер. И буквально сразу со всей своей фамилией оказывается на юбилее папашкиного друга, разумеется тоже олигарха. На этом юбилее па-

пашкин друг представляет всем молодую жену – умопомрачительную красавицу и черт знает какую умницу. А умница эта – знакомая нам Татьяна Константиновна. Женя к ней на шею, а она его в шею, и вот он уехал грустить в Южно-Африканскую Республику, где приобрел уже на свои деньги здоровый виноградник. Мудрый, но печальный конец.

– Во даешь! – Валя был в нешуточном восхищении. – Перечитать, что ли?

– Вот-вот, перечитай, полезно.

Тамара

Пробы в детектив прошли успешно, ее утвердили на роль убийцы, и режиссер – похоже, нормальный мужик – сказал: «Такой она и должна быть: красавица, но с явным интеллектом на лице». Кому же не понравится такой режиссер! Очень захотелось сниматься, но и к встрече с китайцем готовиться надо. «Попробуем совместить», – решила Тамара и поехала в единственный знакомый ей спортклуб под названием «Фитнес-стайл». Пользоваться его услугами не приходилось, но в нем директором по маркетингу работает одноклассница Светка Перепелкина, с которой в школе они славно дружили, потом иногда встречались, а в последнее время просто изредка созванивались, очень изредка. Она, пожалуй, единственный человек из окружения Тамары, понимающий про ЗОЖ.

В головной офис клубов «Фитнес-стайл» Тамара решила нагрянуть без звонка. Светка по телефону будет долго рядиться насчет дня, потом времени, потом места, и сойдутся они на каком-то дне через неделю, не раньше. Тамаре надо сегодня и немедленно, цигель-цигель.

- Добрый день! Мне нужна Светлана Перепелкина, – сообщила Тамара юной, но строгой барышне на стойке у входа.
- Светлана Андреевна? – уточнила барышня.
- Может быть, Андреевна, не помню.

– Как вас представить?

– А скажите так: «Перепелкина, к тебе Томка Краснова пришла». Она поймет.

– Попробую, – тихо буркнула строгая и, не глядя на Тамару, подняла телефонную трубку.

Светка появилась минут через пять. Поцелуи, обнимашки, возгласы и комплименты – маленький обязательный ритуал.

– Ну, говори, что случилось, – спросила Света. – Явно что-то важное, раз ты приперлась на работу да без звонка.

– Дорогая моя, ты права. Мне позарез надо кое-что странное, и очень быстро.

– Ты решила сменить пол?

Тамара опешила.

– Спятила, что ли?! Мне надо быстро стать зожницей.

– Японская бабушка в горошек! – воскликнула Светка. – За каким шницелем тебе это понадобилось?

И Тамара рассказала историю с китайским проектом.

– Значит, так, – сказала Светка. – Как на ЗОЖ будут проверять, не знаю. Может, измерят ИМТ, хотя это странный показатель.

– ИМТ – это что? – спросила Тамара.

– Индекс массы тела, но я не верю в такую канитель. Скорее, они просто будут что-то спрашивать, ведь ЗОЖ прежде всего спорт, а потом уже все остальное. Если человек занимается спортом, он может показать не только внешность,

но и какие-то действия, умение. Ну, допустим, попросят простоять в планке три минуты.

– Планка – это что?

– Загугли, так проще. Или пошли наверх, найду тренера, покажет.

– Не-е, загуглю.

– Что тебе делать этот месяц? Вариантов много. Теоретически. – Светка критически посмотрела на Томкину фигуру. – Надо что-то неожиданное и эффективное. Дай подумать.

Тамара терпеливо ждала, пока Светка скрипела мозгами.

– Вспомнила! – ожила Светка. – На день рождения подарили мне коллеги отличную штуку, тебе как раз подойдет. Пошли со мной, отдам.

«Штука» оказалась забавной конструкцией из двух предметов: деревянный увесистый валик и доска. Светка показала, как пользоваться этой байдой, ловко держа равновесие.

– Томка, тренируйся, – сказала Светка на прощание. – Научишься, принесешь его прямо на кастинг, встанешь и будешь декламировать текст – эффект стопроцентный.

Тамара вышла из «Фитнес-стайла», держа под мышкой доску, а в руке валик, в другой руке была сумка. Зря она не подумала заранее, как управится в метро с таким багажом, а если бы подумала, то вызвала бы такси, но вышло иначе.

Первый акт эквилибристики начался у турникета. Обе руки заняты, полутораметровая доска перегораживает дорогу потоку, попытка достать из сумки карточку – чистая акроба-

тика. Тамара резковато повернулась и дала под зад мелкой толстой тетке.

– Девушка! С ума сошла! – заорала тетка, влетевшая головой в спину старичка. Старичок закудахтал, Тамара виновато извинилась.

Она не рискнула положить драгоценную конструкцию на пол и, извиваясь, как стриптизерша на шесте, извлекла карточку из кармана сумки, открыв молнию зубами. Семь вечера – время пик. Тамара хлестала пассажиров доской и напирала на них валиком. Одному мужику, видимо, надоело наблюдать экзекуцию неповинных граждан, и он уступил ей место.

«Несладко зожникам», – подумала Тамара, добравшись до дома практически без потерь.

Лариса

– Я все хочу! – Лариса упрямо повторила это в третий раз и топнула ногой в стиле капризных барышень Островского.

– Лара, ты подумай трезво, ты взвесь.

– Я – взвесь?! Отличное слово для меня найдено. Взвесь – это малюсенькие частицы в жидкости. Да, я мелочь в огромном театральном океане. Но я хочу стать островом со своим именем.

– Взвесь – это глагол, – угрюмо пояснил Кеша.

– А ты дрыщ!

– При чем тут дрыщ и почему я дрыщ?

– Дрыщ – это глагол. Иннокентий поорал – и дрыщ отсюда.

– Очень остроумно, – грустно сказал Кеша, обидевшись.

– Послушай и пойми меня, – попыталась смягчить обстановку Лариса. – Я хочу в кино, не в эпизод, третья слева в шляпке, а на нормальную роль. Я хочу к китайцу сыграть Амалию, увидеть Китай. Я хочу в тур и на фест. Для этого я должна стать зожником.

– Лариса, душа моя, зожник за три недели – как ты это представляешь? Разве что выйти на сцену и объявить: «Я зожник», а там уж поверят – не поверят.

– А кто такой, по-твоему, зожник?

– Бля, человек, ведущий здоровый образ жизни: бег, пра-

вильное питание, минус курение и алкоголь, плюс соки и три литра воды.

– Стереотип! Может, зожник – это здоровый дух?

– А китаец привезет с собой аппарат для проверки здоровья духа, как у гайцов, только вместо количества алкоголя прибор показывает количество зожничества.

– Не строй из себя дурака. Ты отлично понял, чего я хочу. Помогай, и все!

– Как помогать? Тащить тебя волоком по дорожке в парке, и будет считаться, что ты бегаешь?

– Почему обязательно бег? Давай сядем на диету.

– Какая диета – тебя ветром сдувает! Жрать тебе надо нормально, а не раз в день полстакана чаю.

– А может, полстакана чаю и есть ЗОЖ?

– Поздравляю! В нашем доме открылся малый филиал психологического «Макдональдса»!

– Что за хрень «в нашем доме»? – съехидничала Лариса.

– А то! У них орут «свободная касса», а у нас – «свободные уши». Мои, между прочим, уши. – Кеша начал закипать. – Ты хоть раз интересовалась, что мне хочется? Тебе мои дела интересны? Ты знаешь о моих планах и проблемах? Или я тот приходящий крокодил, что потрахать заходил? Так это уже интим-услуги, может, платить начнешь? – Кеша впервые высказался по полной.

Лариса махом сменила капризную маску на ледяную, стала говорить медленнее, отчетливее и на тон ниже.

– Начну с того, что дом это мой, все, что в холодильнике, тоже мое. Я постирала тебе трусы, они твои и висят в ванной. Забирай и катись.

– Да пошла ты... – Кеша грохнул стакан об пол и выпульнулся из квартиры.

«Мудак! Дом это его, ишь че! Кретин, подонок мерзкий. Журналюга недобитый, пасхер». Лариса поискрила бы еще немного, но появился вопрос: «Пасхер – это кто? Не помню, откуда слово! Пас-хер. Не-е, пас-херша – это я, пять лет пасу какой-то хер ради хера. Нафиг, к черту, все пошли вон! Надо что-то придумать, надо что-то сделать». И так... И тут затрещал мобильник:

– Лариса Борисовна, добрый день! Это Наиля, кастинг-директор сериала «Требуется портье». Вас утвердили на роль, съемки начнутся через неделю. Мне нужны ваши размеры одежды и обуви, а договор и пароли-явки пришлю на вашу почту.

– О'кей, размер 42, это одежды, в редких случаях 44. А обуви – 39.

– Одежду подгоним на площадке, если что. Всего доброго. – И Наиля отключилась.

«Вот и здрасьте вам под ноги из всех щелей! Значит, кино. Стоп. Надо уточнить». И Лариса позвонила кастинг-директору.

– Наиля, простите, а сколько съемочных смен? На какой это срок? У меня репертуар в театре.

– Я же вам говорила, – удивилась Наиля. – Ну, ничего, не страшно, повторяю. План такой: вся съемочная группа выезжает в загородный отель. Жить там и сниматься там. По времени – всего около двух недель. Вы забыли, что давали вашу занятость в театре, а мы нет. Условия такие, что вы сможете ездить на вечерние спектакли, у вас их всего два за это время.

«Через неделю поехали, там около двух недель – всего, считай, три. На кастинг к китайцам я успеваю. Итак, что такое проверка на ЗОЖ?!» Лариса думала и ходила по комнате, по кухне, по прихожей: мыслительный процесс в ее голове совершался исключительно в гармонии с динамикой всего тела, иначе никак. Звонок про кино смазал остроту разрыва с Кешей, но разрыв состоялся, и это не было для Ларисы катастрофой: «Черт с ним, со старым чемоданом, пора обзаводиться основательным комодом».

«Надо с кем-то посоветоваться, – подумала Лариса. – С кем? Маруся!» Маруся Сокол, подруга и жуткая стерва, училась в театральном на курс старше. Несмотря на свою стервозность, именно Маруся помогла Ларисе сделать весьма приличный рывок в институте, а потом и в театре. Дочь режиссера Максима Сокола, рафинированная московская девица Маруся встретила Ларису на первом туре экзаменов, когда та поступала в театральный в первый раз. Приехав из станицы на Ставрополье, Лариса Чеверда при всем своем таланте говорила плохо: фрикативное «гэ», лексикон из сме-

си просторечного русского и украинского суржика. Одея она была по моде южного рынка. Маруся, в зеленой замше и маникюре, с изящной походкой и томным взглядом, увидела Ларису на лестнице театрального института, и по выражению ее лица было безоговорочно понятно, что она ох... крайне удивлена внешним видом объекта.

– Тю, – отреагировала Лариса на удивленный взгляд, – шо уставилася, хамыра?

– М-да, – ответила Маруся, – в таком прикиде ты слона не продашь.

– Какохо еще слона? – удивилась Лариса.

– На которого ты похожа, – ответила Маруся. – Нет, ты не слон, ты жираф в блестящей попоне.

– Те шо, остюлька в хлаза попала? – спросила Лариса с уверенностью, что уела стерву.

– Девочка, – ответила Маруся, не теряя гордости, – у меня есть десять минут, а у тебя девять, чтобы внимательно послушать. Потом мне станет пофиг, и я пойду своей дорогой.

– Ой, да шо ты буровишь? Поди на скости вже.

Маруся фыркнула и ушла.

Экзамены Лариса завалила. Сидя на краешке фонтанного бордюра во дворе института и рыдая, она обмакивала подол юбки в воду и вытирала лицо.

– Не разводи сырость, плесенью покроешься раньше времени, – подошла к ней Маруся. – Прости, милая, но я тебе говорила.

– Шо?

– Шо ты слушать не хотела, – парировала Маруся.

Лариса тихо выдавила:

– Помохи мне.

Маруся вздохнула.

– Ну о'кей, черт с тобой, буду нести социальную нагрузку в твоем лице. Пошли.

– Шо на моем лице? – не поняла Лариса.

– Все лишнее уберем, и с лица тоже.

Маруся устроила Ларису «хлопушкой» в киногруппу отца, помогла найти педагога и поставить речь, водила на светские тусовки и знакомила с правильными людьми. На следующий год Лариса поступила в институт. Она неплохо училась, мастер взял в свою труппу, где она вполне оправдала его надежды и получала неплохие роли. Родители помогли купить небольшую квартирку. В общем, самостоятельная жизни удалась, но спрашивать у Маруси совета в любой непонятной ситуации как было, так и осталось для нее нормой. Недолго поколебавшись, Лариса решила сделать так и в этот раз, от нее не убудет. Позвонила.

– Марусечка, привет. Как твои дела?

– Да как обычно, – ответила Маруся, – в театре премьера, роль – мечта, у отца снимаюсь в главной роли. Занята, конечно, очень. Ты если не по делу, то, может, в другой раз?

– Нет, солнышко, как раз по делу, но я быстро, – затараторила Лариса. – В муках я, нужен совет. Надо ехать за город

на съемки, а на носу кастинг международного проекта. А тут еще занятость в театре. Как выбрать, как везде успеть, не могу решить. Если все, то вытяну ли? Честно скажу, хочу все.

И Лариса выложила подробности о кино, о китайце и о ЗОЖе. Несмотря на объявленную занятость, Маруся выслушала длинную исповедь не перебивая. Она была в бешенстве. Она эту сучку научила всему! Кем была бы провинциалка Чеверда, если бы не она, Маруся? Вернулась бы на свой сельский юг кофтами на рынке торговать. На большее эта дрянь тогда была не способна, а теперь мы в ролях как в сору роемся.

В трубку Маруся сказала спокойно и снисходительно:

– Дорогая, прям и не знаю, что посоветовать. А сходи-ка ты к моей гадалке.

– К гадалке? – удивилась Лариса.

– Да! Она известный крутой медиум, всегда говорит точно. Я к ней часто обращаюсь и могу заверить – не с каждым делюсь ее телефоном.

– Отлично, дай телефончик. Я пойду. Ты же моя спасительница.

– На минуту отключусь. Найду ее номер и перезвоню.

Маруся покопалась в телефоне в поисках номера Анны и обнаружила, что у нее записаны две друг за дружкой: одна Ковалева, другая Ковальчук. «Откуда у меня вторая Анна? Кто она? Совсем не помню. А у моей Анны какая фамилия? Дьявольщина. Не помню я ее фамилию. По-моему,

она Ковальчук». Маруся на мгновение задумалась, но фамилия приятельницы, как назло, начисто вылетела из головы. Не звонить же уточнять? Она еще подумала и вроде бы нашла подтверждение своей догадке: «Ну точно, Ковальчук». Маруся записала номер и позвонила Ларисе:

– Пиши: Анна, девятьсот шестьдесят восемь...

Лариса записала номер на первую попавшуюся бумажку и отключилась.

Маруся, злая как сто тысяч зеленых чертей, закончила разговор и тут же начала набирать номер одной из Анн, не обращая внимания на фамилию.

– Анька, привет! Это Сокол.

– Сокол, Сокол, я ястреб, – ответила трубка.

– Ой, перестань, мне сейчас не до смеха.

– Что у тебя?

– Да тут одна стерва хочет мне дорогу в важном деле перейти. Я дала твой номер. Она позвонит и явится. Скажи ей, что ничего нигде у нее не выйдет, звезды не так легли, что ей надо сидеть на жопе ровно, никуда не ходить и не ездить.

– Манька, зависть – плохой союзник, – перебила гадалка.

– Анька, не учи отца. Будешь выпендриваться, никого к тебе больше не отправлю. Ты ж на моих поклонниках кормишься, свинья.

– Все, Манечка, не ори. Сделаю. Как зовут твою дурочку?

– Лариса.

– Принято к исполнению.

А Лариса, подбодренная дельным советом, побродила по квартире и как дань стремлению в зожники съела кусок хвоща, как она называла сельдерей. Теперь гадалка.

– Але, добрый день! Меня зовут Лариса, я от Маруси Сокол.

– Добрый день, Лариса! Меня зовут Анна, Марусю помню. Слушаю вас.

– Анна, очень приятно познакомиться. Я хотела бы записаться к вам на сеанс.

– На сеанс? Мы обычно это называем консультацией.

– Да-да, конечно, как скажете. Когда можно прийти? Желательно в дневное время.

– А утреннее вам не подойдет?

– Подойдет, мне лишь бы побыстрее.

– У вас проблемы, требующие срочных решений? – спросила Анна.

– Очень серьезные и очень срочные, – ответила Лариса.

– Тогда давайте завтра в девять утра, пойдет? – спросила Анна.

– Пойдет, отлично пойдет. Диктуйте адрес.

– Я вам его эсэмэской пришлю, вам так будет удобнее.

– Отлично, спасибо, до завтра.

«Да уж, – подумала Лариса, – гадалка принимает в девять утра, чудеса. Ну, от Марусиных знакомых всего можно ожидать».

Удовлетворенная содеянным, Лариса поехала в театр. Се-

годня она играла спектакль.

Роман

Роман опаздывает всегда, нет чувства времени. Он и сейчас мчится домой, огибая людские и автомобильные заторы, опаздывает на встречу. На какую встречу может спешить домой одиноко живущий мужчина? Разве что на встречу с хорошим спокойным ужином, подумаете вы и будете неправы. А когда узнаете, что Роман спешит на встречу с телевизором, то окончательно в нем разочаруетесь и подумаете, что он с большим приветом. В общем-то, каждый из нас с каким-нибудь чудным приветом, но у Романа случай особый: он влюблен в красавицу, рассказывающую о погоде на завтра в самом позднем выпуске новостей. Появляется она не каждый день, а по определенному расписанию, который не так просто вычислить, но Роман это сделал, сконцентрировав все свои аналитические способности. Сегодня примерно в 00:20 она будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.